*Л.А. Афонина**

«Китайская специфика» регулирования религиозной сферы

АННОТАЦИЯ: Пройдя путь от насильственного объединения религий в патриотические объединения в 50-х гг., полного запрета религий в 60–70-х гг., их постепенной легализации в 80-х гг., китайские власти видят основной задачей формирование своего «китайского богословия». Эволюция форм и методов религиозной политики приводит китайских политиков к необходимости вывода религии из числа понятий, несовместимых с коммунистическим устройством общества.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: религиозная политика; религиозное регулирование; патриотические религиозные объединения; «китайское богословие»; единый фронт

После образования Китайской Народной Республики, власти новой страны на примере других существовавших в то время социалистических государств были нацелены на насаждение во всём китайском обществе определённого единообразного идеологического порядка, базирующегося на марксизме-ленинизме. В вопросах религиозного мировоззрения новая власть стояла на позициях атеизма, воспринимая религии как пережитки общества старой формации и идеологических соперников.

В условиях построения новой государственности коммунистическое правительство не могло позволить прямое подавление инакомыслия — для этого не были сформированы необходимые общественные условия, поэтому был избран путь пропаганды идей единого фронта с формированием специальных организаций, позволяющих

* Любовь Александровна Афонина, м.н.с. Центра политических исследований и прогнозов Института Дальнего Востока РАН, Москва, Россия. E-mail: liubov.afonina@gmail.com

© Афонина Л.А., 2015

контролировать идеологически враждебные группы людей и использовать их в целях новой власти.

В религиозной сфере такими организационными структурами стали патриотические религиозные объединения, которые должны были существовать на всех уровнях административного деления страны и управлять религиозными массами населения до момента исчезновения религиозного мировоззрения из социалистического общества Китая. При этом отдельными партийными идеологами, такими как Ли Вэйхань (глава отдела Единого фронта в 1948–1964 гг.), высказывались предположения о необходимости длительного выстраивания отношений с религиозными группами, так как до момента освобождения социалистических масс людей от религиозного мировоззрения пройдёт много времени.

Китайское правительство стремилось укрепить и защитить свою власть посредством установления нового политического порядка, исключавшего любое иностранное влияние. В условиях политического напряжения все иностранные миссии стали рассматриваться как представительства разведок. В рамках государственной антиимпериалистической политики миссионеры были депортированы из страны, а имущество миссий конфисковано [5]. В более широком социальном и политическом контексте изгнание миссий было больше националистическим желанием удалить всё иностранное из китайского общества, нежели обдуманной попыткой подорвать религию. По большому счёту, из страны были изгнаны все иностранцы, кроме специалистов из Советского Союза.

Положение китайских христианских общин в 1950-е гг. усугублялось тем, что правительство рассматривало их как каналы влияния империалистических стран, а те, в свою очередь, открыто поддерживали правительство Гоминьдана на Тайване [6, с. 109]. В связи с этим была поставлена задача освободить религиозные группы от влияния иностранцев, ставилась задача создания религиозных групп, поддерживающих новое правительство.

Под влиянием призывов за создание единого фронта и под руководством властей протестантский деятель У Яоцзун и 40 представителей различных протестантских религиозных групп в июле 1950 года опубликовали декларацию «Пути приложения усилий китайским протестантизмом в строительстве нового Китая», тем самым запустив в религиозной среде движение за «три самостоятельности» — самоуправление, самообеспечение, самостоятельная проповедь. Уже к сентябрю 1950 года более полутора тысяч лидеров протестантских общин поставили свои подписи под декларацией о «трёх самостоятельностях» [11].

В 1951 г. У Яоцзун в статье, именованной «Новый этап движения за обновление протестантизма», дал разъяснения относительно понятия «трёх самостоятельностей». У Яоцзун считал, что важнейшая из трёх составляющих нового движения – «самообеспечение»: «Так называемое самообеспечение означает отказ от иностранной экономической помощи, в особенности от экономической помощи США» [15]. Что касается самоуправления, он писал: «Самоуправление означает не только отказ от управления со стороны иностранцев, но и отказ от западных традиций в церкви, построение подходящих Китаю [религиозной] системы и обрядов». Последний принцип движения расшифровывался им следующим образом: «самостоятельная проповедь — это вопрос не того, кто пойдет проповедовать, а вопрос, что проповедовать», и «в самостоятельной проповеди необходимо создать собственную богословскую систему, отказаться от западного богословия» [15].

Вслед за протестантами в ноябре 1950 г. католический священник уезда Гуанъюань провинции Сычуань Ван Ляньцзо выступил с инициативой самостоятельности и независимости католических приходов. Тогда более 500 католиков совместно опубликовали «Декларацию о движении обновления за самостоятельность католицизма в уезде Гуанъюань», в которой было сказано: «Сейчас мы начинаем строительство нашего независимого, свободного, нового Китая. Империалисты против освобождения народа, они расширяют захватническую войну несмотря на многочисленные предупреждения мирного китайского народа, огнём войны поджигают северо-восточные границы нашей страны, бомбят мирные города, губят невинных сограждан. Поэтому мы, исходя из позиции любви к Родине и к народу, решительно разрываем все связи с империализмом, искореняем идеи близости с Америкой, страха перед Америкой, заискивания перед Америкой. Мы самостоятельно возродимся, построим новую общину — самостоятельно управляемую, обеспечиваемую, проповедуемую. Не позволим более империализму запятнать чистоту церкви» [14].

После объявления движения обновления за самостоятельность многие приходы вслед также подготовили патриотические декларации. Правительство не преминуло воспользоваться ситуацией для отделения католической китайской церкви от церкви вселенской [4, с. 23]. Так, например, в марте 1951 г. Нанкинская епархия во главе с епископом Ли Вэйгуан опубликовала декларацию в газете «Синьхуа Жибао», в которой поддержала движение за три самостоятельности словами: «Кроме сохранения чисто религиозных связей с Ватиканом, мы решительно против вмешательства Ватикана во внутриполитические дела

Китая, решительно разрываем все политические и экономические связи» [16, с. 344].

В марте 1951 г. ЦК КПК были изданы «Указания на движение за активное продвижение религиозного обновления», требующие от всех партийных органов объединять религиозные организации и представителей религиозной сферы, развивать и укреплять антиимпериалистический единый фронт с религиозными кругами. Все, кто противился движению независимости, оказывались под арестом.

Так, в 1950-е гг. в рамках движения за религиозное обновление основные представленные религиозные течения в стране (буддизм, даосизм, ислам, католицизм и протестантизм) стали объединять в общенациональные патриотические ассоциации с представительствами на провинциальном, городском и уездном уровнях. Эти группы должны были осуществлять реализацию государственной политики в сфере религий в тесной кооперации с правительственными органами, объединять верующих для поддержки правительства и политического строя, выявлять политических врагов среди членов религиозных групп. Цель правительства в отношении религиозных объединений — обеспечить ведение религиозной деятельности в заданных государством границах.

К середине 1960-х гг. среди части высшего руководства Китая возникли левацкие идеи о том, что условия формирования идеологически однородного общества созрели. Это стало причиной того, что в «культурную революцию» стало подавляться всякое инакомыслие, в т.ч. религиозное. Однако по прошествии десятилетия стало понятно, что методы принуждения в идеологической сфере несостоятельны и своей цели не достигают.

В условиях необходимости восстановления страны, к началу 1980-х гг. власти были вынуждены вернуться к принятию идеи о длительном существовании религии в социалистическом обществе, стали формироваться теоретические модели религиозного присутствия в социалистическом обществе. Для вовлечения верующих в модернизационное строительство страны государство должно было учитывать их интересы и в определённой мере реализовывать их потребности. После «культурной революции» отдельные религии получили возможность выживания в контексте патриотизма, все прочие религиозные проявления рассматривались как угроза, феодализм и предубеждения.

Однако в результате дозволения возобновить в определённой мере религиозную жизнь, власти столкнулись с неожиданным для них религиозным подъёмом общественных масс. К концу 1980-х гг. государственные власти пришли к выводу о необходимости ограничить

лавинообразное распространение религиозности среди населения, были поставлены цели по такому ограничению.

Ограничение религиозной деятельности выразилось в разработке теории законодательного регулирования рамок деятельности религиозных общин. Стал формироваться пласт нормативных документов и директив, регламентирующих религиозную деятельность. С течением времени стали появляться и новые теории, направленные на камуфлирование религиозного присутствия. Среди них наибольшее развитие получила теория взаимного соответствия религий и социалистического общества.

С момента прихода к власти коммунистической партии в Китае работа и исследования в области религии исходили из отправной точки — «религия есть опиум». К середине 80-х гг. сравнение религии с опиумом перестало использоваться в официальных партийных и правительственных документах.

По мере того, как китайское общество избавлялось от убеждения, что религия есть опиум, приходило понимание, что религия помимо прочего есть общественно-культурный феномен, выражающий устремления человеческой сущности к справедливости, добру, красоте, гармонии и пр. Возникло понимание, что религиозная культура представляет собой соединение традиционных учений и образа жизни верующих людей, является силой, обладающей стабилизирующим общественным эффектом.

В середине 1980-хх гг. в научных кругах была высказана идея возможности «взаимного соответствия» религии и социалистического общества (*сяншиин*). Впервые эта идея прозвучала в августе 1984 г. в речи главы Отдела единого фронта ЦК КПК Ян Цзинжэня на собрании, посвящённом тридцатилетию образования китайского протестантского движения за «три самостоятельности». Ян Цзинжэнь высказал идею «приведения к взаимному соответствию христианства и социалистического общества, необходимости выявить должную роль христианства в строительстве социалистической модернизации» [17].

В апреле 1987 г. вышла книга заместителя главы Китайского общества изучения религий Ло Чжуфэна под названием «Религиозные вопросы на новом этапе китайского социализма». Книга явилась первым, относительно полным аналитическим сборником по религиозным вопросам Китая с начала периода реформ. В пятой главе книги приводится анализ источников и содержания, условий и форм проявления взаимного соответствия религии и социалистического общества, а также способов противостоять явлениям, не отвечающим такому соответствию [10, с. 169]. Рассуждения данной книги явились прообразом будущей теории взаимного соответствия.

Цзян Цзэминь своей речью на Всекитайском совещании по работе Единого фронта в ноябре 1993 г. поставил задачу «приведения религии и социалистического общества к взаимосоответствию», сказав, что адаптация религии в социалистическом обществе является главной целью реализации политики свободы вероисповедания [13]. Тем самым он на официальном уровне признал наличие у религии и социалистического общества общих точек соприкосновения и возможность сотрудничества. Эта концепция стала руководствующей идеологией в вопросе отношения к религиям в 1990-е гг.

Необходимость адаптации религии в китайском социалистическом обществе Цзян Цзэминь объясняет исходя из теории длительного существования религии в социалистическом обществе, озвученной впервые ещё в 1958 г. На длительный период взаимного сосуществования религий и китайского общества необходимо привести их к соответствию друг с другом во избежание противостояний и конфликтов. Исходя из этого понимания, Цзян Цзэминь толкует принцип взаимосоответствия следующим образом: «Религия представляет собой исторический феномен, который может существовать в социалистическом обществе длительное время. В случае несоответствия социалистическому обществу неизбежен конфликт. Это соответствие не предполагает, чтобы религиозные последователи отрекались от своих теистических воззрений и веры, но подразумевает в политическом плане любовь к Родине, поддержку социалистического строя, руководства коммунистической партии, а также изменение не соответствующих социалистическому строю религиозных систем и догм, использование позитивных факторов религиозных учений, морали для служения социалистическому строю» [13].

Вследствие того, что религиозные вопросы имеют идеологические особенности, власти страны видели нужным подчинить государственной администрации религиозную деятельность. Цзян Цзэминь утверждал: «Мы должны избавиться от религиозных систем и доктрин, которые не могут быть адаптированы к социализму» [7, с. 249].

В марте 1996 г. УДР был подготовлен документ «Основные положения политики религиозной работы». Третий из четырёх разделов документа озаглавлен «Активное приведение к взаимному соответствию религий и социалистического общества». По мнению авторов документа, политической основой взаимного соответствия является защита социалистического строя верующими массами, а приведение к взаимному соответствию не означает отказ верующих от своих вероучений, но означает лишь выполнение ими требования любить свою Родину и защищать социализм.

Отмечено, что при проведении реформы религиозной системы в КНР на ранних этапах, китайские католики и протестанты отказались от контроля со стороны империалистических стран, стали отстаивать принцип самостоятельного ведения религиозной деятельности. В буддизме и исламе произошёл отказ от угнетения и феодальной эксплуатации. Тогда всё это позволило религиозным кругам Китая сделать важный шаг к взаимному соответствию с социалистическим обществом. На этой основе религиозные круги должны и впредь двигаться вперёд, не отступая исполнять новую задачу нового периода адаптации к строительству социализма.

В политике отмечается важность выявления положительных факторов религий и подавления её негативных сторон, при этом религиозные системы, каноны и обычаи, наносящие вред общественному производству, жизни или здоровью людей, должны быть добровольно и постепенно реформированы путём просвещения масс. Документ призывал религиозных деятелей объединять верующих для участия в экономическом строительстве, в любых доступных формах поддерживать верующих проявлять усердие на их рабочих местах при выполнении их рабочих обязанностей [9].

Несмотря на то, что термин *сяншиин* переводится как «взаимное соответствие», тем не менее, предполагается подстраивание со стороны религии под определённые общественные и политические условия, а не обратное соответствие и изменение политической составляющей общества. Конечно, соответствие предполагается двустороннее и взаимное, но не паритетное. Как отмечает российский исследователь С.А. Горбунова, «принципиальным являлось то, что в содержании установки взаимного соответствия доминировали государственные интересы и ответственность верующих перед обществом. Иными словами, она на первых порах предусматривала несколько одностороннюю адаптацию религиозных кругов „к новой ситуации и новым задачам социалистической модернизации“» [8, с. 185].

На смену теории «опиума» пришла теория «взаимосоответствия». Но это совершенно не означает, что власти заняли официальную позицию отказа от налагаемых на религии ограничений, в основе этой замены лежат соображения прагматизма. Религия перестаёт выполнять исключительно религиозную функцию, она открыто превращается в политический инструмент. Руководство КНР акцентирует внимание на патриотической пропаганде среди верующих, отстаивании социалистического строя, поддержке руководства партии, соблюдении государственных законов. Позитивным моментом в новой теории является то, что она исключает антирелигиозные позиции, принцип рассмотрения религиозных общин как чужеродной силы.

Для изучения применения этой теории на практике стоит обратиться к статье Чжан Юнцина «Реформирование для соответствия. Для соответствия нужна реформа», опубликованной в 1998 г. Рассуждая о положительном влиянии социализма на религиозные общины, он приводит в пример ислам: «Женщины исламских народов в Китае не испытывают более на себе действие религиозной и национальной традиции, запрещающей им выходить из дома» [18]. Также на примере ислама он показывает роль толкования религиозных священных текстов исходя из нужд государства: «В Коране нет прямых указаний, связанных с политикой плановой рождаемости, но есть указания на продолжение рода. Китайские мусульманские круги интерпретируют политику плановой рождаемости как благоприятствующую продолжению рода» [18]. Безусловно, в мировом традиционном исламе аборты осуждаются, а попытки оправдать политику сокращения населения поддержкой духовенства являются подменой и искажением религиозного учения.

Говоря о вкладе религий в развитие «взаимного соответствия», Чжан Юнцин упоминает также развитие туристической отрасли в местах религиозных культов, участие религиозных групп в предпринимательской деятельности, способствующей экономическому развитию.

В Китае за последние несколько сот лет стали традицией мечети для женщин с женщинами-имамами, что крайне редко встречается в исламском мире. Это явление не является результатом развития Китая в эпоху социализма, однако получило определённое развитие в конце 20-го века. Современные китайские мусульманки связывают это с социалистическим строем своего государства. Женщина-имам Яо Баося в г. Кайфэн провинции Хэнань по этому поводу говорит следующее: «Мужчины и женщины здесь равны, может быть потому, что у нас социалистическая страна» [3].

Строительство зданий католических храмов в китайском архитектурном стиле также подчёркивает наличие собственного китайского католицизма, его самостоятельность в управлении своими приходами, независимость от вселенской католической церкви. Примером может послужить церковь национальной семинарии в Пекине, здание которой копирует здание Храма Неба.

Часто понятие взаимосоответствия связывается с понятием *айго, айцзяо*, что подразумевает со стороны верующих совмещение чувств и проявлений любви к Родине и любви к вере. Примечательно, что любовь к стране всё же поставлена на первое место, что отражает приоритеты в религиозной сфере. Пропагандируемый принцип *айго, айцзяо* на практике выражается, как правило, в участии религиозных

групп в делах благотворительности. Степень участия в благотворительной деятельности отдельных общин и религиозных объединений разного уровня фиксируется для демонстрации их патриотизма, а также лояльности и соответствия социалистической системе.

В протестантизме попыткой ответа на выдвинутую политиками теорию стала кампания по «перестройке теологического мышления», начавшаяся в 1998 г. по инициативе епископа Дин Гуансюня. Идея кампании состоит в усилении теологического образования, создании единообразия и адаптации к социалистической системе. Епископ Дин в 2003 г. пояснил, какова в действительности цель «перестройки теологического мышления»: «Наша цель проста: мы хотим изменить наше китайское христианство, чтобы встроить его в поток истории, сделать христианством, адаптированным под нужды народа. Я верю, что коммунистическая партия примет это христианство и что оно пойдёт в ногу с социалистическим обществом». Сборник «Избранные труды епископа Дин Гуансюня» стал пособием, рекомендованным к изучению в семинариях. Стоит отметить, что именно по причине такого подхода официальной протестантской церкви она оказалась в значительной степени неприемлемой для китайских верующих, предпочитавших иную форму религиозной активности.

Китайские власти пытаются широко развивать теорию «взаимного соответствия» и гармоничного присутствия религии в жизни Китая, называя это «нормальной религиозной деятельностью», то есть религиозной деятельностью, осуществляемой в соответствии с законодательством КНР. При этом частое фундаментальное различие между догматическими нормами религий и законодательством Китая не принимается в расчёт, поэтому «нормальная религиозная деятельность» является вызовом и угрозой сохранения аутентичности религиозной доктрины.

Современная ситуация в Китае, характеризуемая неискоренимостью религиозных потребностей у китайских граждан и поисками путей сохранения политической и общественной стабильности, привела китайские власти к необходимости уделять большее внимание и стимулировать расширение влияния традиционных религиозных течений, которые вызывают наименьшие опасения с точки зрения распространения политических идей оппозиционного толка.

Председатель КНР Си Цзиньпин высказывался о том, что Китай теряет свои моральные ориентиры, и призывал КПК проявлять большую терпимость в отношении китайских традиционных верований, способных помочь заполнить вакуум, созданный стремительным экономическим ростом страны и погоней за материальным благополучием [1]. С этого времени началась кампания по распространению ценностей традиционной китайской культуры.

При этом из-за нестабильной политической ситуации в Китае и в мире, прошедший 2014 год характеризуется интенсификацией контроля над приверженцами христианства, что является следствием представлений о потенциальной опасности проникновения подрывного политического влияния и финансов под прикрытием религиозных учений, частью предупредительной работы по предотвращению проникновения в Китай так называемых «цветных революций».

Наиболее ярким свидетельством борьбы правительства с распространением христианства стала кампания в г. Вэньчжоу провинции Чжэцзян, месте наибольшей концентрации последователей христианства. Под предлогом борьбы с незаконным строительством власти отдают распоряжения о сносе храмов или крестов с храмовых зданий [2].

В целях устранения связи христианства с либеральными западными идеями, китайское руководство объявило курс на создание собственного китайского христианского богословия. Эта идея была озвучена главой ГУДР Ван Цзоанем в августе 2014 года на мероприятии, посвящённом 60-летию основания Комитета китайского протестантского движения за «три самостоятельности». Ван Цзоань заявил, что христианское богословие должно соответствовать как основам христианского вероучения, так и национальным особенностям Китая, вписываться в китайскую культуру [12]. Так, в своём выступлении на форуме в Шанхае на форуме «Китаизация христианства», глава ГУДР Ван Цзоань подчеркнул, что богословие по-китайски должно исходить из того, что Китай выбрал социалистический путь развития.

Пройдя долгий путь от насильственного объединения религий в патриотические объединения в 50-х гг., полного запрета религий в 60–70-х гг., постепенной легализации в 80-х гг., власти видят основной задачей формирование нового верующего, способного в целях создания своего собственного китайского богословия вольно трактовать ту религиозную доктрину, последователем которой он является. Часть принципа «трёх самостоятельностей» — самостоятельная проповедь в современном мире — обретает новое значение. При этом это новое значение было заложено в нём изначально, а именно не только независимость религиозных общин в провозглашении доктрин веры, а самостоятельная ревизия вероучительных истин с целью соответствия текущему политическому контексту.

Сегодня китайское государство определяет условия существования религий. Эволюция форм и методов религиозной политики приводит китайских политиков к пониманию необходимости принятия кардинального решения — вывода религии из числа понятий несовместимых с коммунистическим устройством общества, признания за религией фундаментального свойства человеческого общежития.

Такое решение и его публичная артикуляция настолько диссонирует с идейно-философским строем действующей власти, что принятие такого решения, возможно, будет свидетельствовать об изменении самого характера китайского государства или системы власти. В отношении религии и идеологической сферы в целом китайским властям предстоит принять новую политическую модель. Признание религии позволит китайским властям выйти из логического тупика, в котором они находятся со времён образования КНР.

Литература

1. *Benjamin Kang Lim, Ben Blanchard*. Xi Jinping hopes traditional faiths can fill moral void in China: sources // Reuters Beijing, 29.09.2013. URL: http://www.reuters.com/article/2013/09/29/us-china-politics-vacuum-idUSBRE98S0GS20130929

2. *Brice Pedroletti*. China's Christians fear new persecution after latest wave of church demolitions // Guardian Weekly, 05.07.2014. URL: http://www.theguardian.com/world/2014/jul/05/china-christianity-wenzhou-zhejiang-churches

3. Female Imams Blaze Trail Amid China's Muslims // NPR, 21.07.2010. URL: http://www.npr.org/2010/07/21/128628514/female-imams-blaze-trail-amid-chinas-muslims

4. *Lam Anthony S.K*. The Catholic Church in Present-Day China Through Darkness and light. Hong Kong: The Holy Study Centre, 1997. 343 c.

5. *Leung B.* China's Religious Freedom Policy: The Art of Managing Religious Activity // The China Quarterly. 2005. №184. P. 894–913.

6. *Louis K. Ho*. The dragon and the cross. Edmonton: Xulon Press, 2009. 259 p.

7. Xin shiqi zongjiao gongzuo wenxin xuanbian. Beijing: Zongjiao wenhua press, 1995.

8. *Горбунова С.А*. Китай: религия и власть. История китайского буддизма в контексте общества и государства. Москва: ИД «ФОРУМ», 2008. 320 с.

9. Гоуюань цзунцзяо шиуцзю гуаньюй иньфа цзунцзяо гунцзо чжэнцэ яодянь дэ тунчжи (Основные положения политики религиозной работы) // Сайт-сборник законодательства КНР. 1996. URL: http://www.110.com/fagui/law169442.html

10. *Ло Чжуфэн*. Чжунго шэхуэйчжуи шици дэ цзунцзяо вэньти (Религиозные вопросы на новом этапе китайского социализма). Шанхай: Шанхай шэхуэй кэсюэ чубаньшэ, 1987. 268 с.

11. *Лю Пэн.* Чжунго сюйяо цзунцзяофа (Китай нуждается в законе о религии) // Линдаочжэ. 2012. № 46. URL: http://rm1946.info/simple/index.php?t69517.html

12. *Нин Лянь*. Цзидуцзяо е яо ю чжунго тэсэ (Христианство тоже должно иметь китайскую особенность) // DW, 07.08.2014. URL: http://dw.de/p/1CqiF

13. *Ню Сун, Сы Юнчэн*. Цзицзи иньдао цзунцзяо юй шэхуэйчжуи шэхуэй сян шиин (Активное приведение к взаимному соответствию религии и социалистического общества) // Цяньсянь. 2002. № 9.

14. Тяньчжуцзяо цзыли гэсинь сюаньянь («Декларация о движении обновления за самостоятельность католицизма в уезде Гуаньюань») // Сайт библиотеки Гуаньюань, 30.11.1950. URL: http://www.gylib.com/ArticlePrint.asp?ArticleID=672

15. *У Яоцзун*. Цзидуцзяо гэсинь юньдун дэ синь цзедуань (Новый этап движения за обновление протестантизма) // Жэньминь жибао, 15.01.1951.

16. *Хэ Гуанху*. Цзунцзяо юй дандай чжунго щэхуэй (Религия и современное китайское общество) // Пекин: Чжунго Жэньминь дасюэ чубаньшэ, 2006. 490 с.

17. *Цзян Цзяньюн*. Дуй «фахуэй цзунцзяоцзе жэньши хэ синьцзяо цюньчжун цзай цуцзинь цзинцзи шэхуэй фачжань чжун дэ цзицзи цзоюн» дэ лилунь сыкао (Теоретические размышления о «выявлении позитивной роли религиозных деятелей и верующих в стимулировании социально-экономического развития) // Чжунго цзунцзяо сюэшу ван, 15.10.2010. URL: http://iwr.cass.cn/zjyzz/201010/t20101015_5020.htm

18. *Чжан Юнцин*. Гайгэ вэй лэ шиин, шиин бисюй гайгэ (Реформирование для соответствия. Для соответствия нужна реформа) // Шицзе цзунцзяо яньцзю. 1998. № 3.

L.A. Afonina*

Religious sphere regulation «with Chinese characteristics»

ABSTRACT

Working its' way up from forcible unification of religions within patriotic associations in 1950s, total taboo on religions in 1960–70s, gradual legalization in 1980s, Chinese authorities see their main task in formation its' "Chinese theology". The evolution of forms and methods of religious policy leads Chinese politicians to the necessity of taking religions out of concepts that are incompatible with communist society.

KEYWORDS

China; religious policy; religious regulation; patriotic religious associations; Chinese theology; United Front.

* Afonina Lyubov Aleksandrovna, researcher of the Institute of Far Eastern Studies, RAS, Moscow, Russia. E-mail: liubov.afonina@gmail.com